

Раз уж эти двое умудрились затеять перепалку прямо посреди улочки, Лэ Уя при всем желании не мог продолжать свой путь.

Он послушно замер на месте и медленно повернулся лицом к спорящим.

Его Маленький Феникс за эти годы ни капли не изменился, его талия оставалась все такой же невероятно гибкой, тонкой и поджарой, что ее, казалось, можно было без труда обхватить одной ладонью.

Лэ Уя до сих пор отчетливо помнил, как в далеком детстве они вдвоем любили лежать рядышком на черепичной кровле дома, увлеченно рассуждая о своем будущем. Они спорили: ежели им суждено со временем стать великими полководцами Поднебесной, не прибавит ли им солидности и воинского величия доброе, округлое генеральское брюшко?

Лэ Уя тогда авторитетно изрек:

— Ну уж нет, это выглядит на редкость уродливо.

Пэй Минци возразил:

— Да ведь у моего батюшки брюхо точь-в-точь такое же, да и у всех его заместителей-воевод животы на редкость упитанные! Когда они шествуют по плацу, любо-дорого посмотреть, сразу видать — большие начальники идут.

Лэ Уя непреклонно отрезал:

— Тебе я такую примету заводить строжайше запрещаю.

Пэй Минци от такой наглости лишь весело рассмеялся:

— Да неужто? И кто же мне помешает?

Лэ Уя от этого ответа лишь пуще прежнего раззадорился:

— Стоит тебе растолстеть и подурнеть, я сразу же напрочь позабуду о твоём существовании и вовек не стану с тобой знаться. Даже если мы нос к носу столкнемся посреди главной столичной улицы, я сделаю вид, будто вижу тебя впервые в жизни.

Пэй Минци от подобных угроз мгновенно перевернулся на бок, коршуном оседлал его сверху и принялся нещадно щекотать наставника подмышками:

— Ах ты паршивец! А ну повтори, коли смелости хватит!

Лэ Уя в ответ мертвой хваткой обвил его талию обеими ногами, силясь провести сокрушительный контрприем и повалить соперника на спину.

Пэй Минци уступать и не думал. Они возились и барахтались, ни в чем не уступая друг другу, а их веселый смех летел над верхушками ив и канатами качелей.

Вдруг снизу донесся громкий зов:

— Али!

Лэ Уя и Пэй Минци разом притихли.

Лэ Уя уставился на него своими влажными фиолетовыми глазами: «Все из-за тебя».

Пэй Минци в ответ попытался ущипнуть его за ресницы.

Голос второго брата, Лэ Цзюэ, донесся наискосок снизу:

— Где Али? Я же только что слышал, как он смеялся.

Он подпер бока руками и закричал:

— Али! Старший брат вернулся с учебы и купил горячих молочных коврижек! Если не съешь сейчас, они остынут!

Глаза Лэ Уя мгновенно засияли. Он протянул руку, ущипнул Пэй Минци за щеку, на которой еще оставался детский жирок, и шепнул:

— Жди меня.

Он кубарем скатился с дерева, промелькнул между кустами и выскочил прямо перед двумя старшими братьями, почтительно поклонившись:

— Приветствую старшего брата, приветствую второго брата.

Лэ Цзюэ спросил:

— А где маленький феникс из семьи Пэй?

Лэ Уя громко ответил:

— Он не приходил!

Лэ Цзюэ прищурился:

— С кем же ты тогда только что развлекался?

Лэ Уя:

— С птицей!

Старший брат, Лэ Хэн, облаченный в простое зеленое платье, всегда отличался молчаливым нравом. Он одной рукой подхватил мальчика на руки, убрал застрявший в его волосах листок и понес в главный дом.

— Он потяжелел? Потяжелел? — Лэ Цзюэ бежал следом, преданно заглядывая им в лица. — С виду вроде вытянулся, дай мне его поддержать.

Лэ Уя обнял Лэ Хэна за шею и запрокинул голову, глядя на птицу на крыше.

Пэй Минци так и сидел там, послушно дожидаясь его возвращения.

Вскоре Лэ Уя действительно выскользнул обратно во двор и протянул ему туго свернутый носовой платок.

Пэй Минци развернул ткань и увидел молочные коврижки, края которых были аккуратно обкусаны по кругу, отчего они стали похожи на два цветка.

Пэй Минци, давно привыкший к подобному, без лишних слов принялся за еду, но все же не удержался от ворчания:

— Терпеть не можешь сладкое, а все равно просишь купить.

Лэ Уя ответил со всей непреклонностью:

— Мне нравится есть только корочку, внутри они слишком приторные. К тому же, разве так я не могу покормить птицу?

Пэй Минци:

— Это какая еще я тебе птица?

— Ты — маленький феникс.

Пэй Минци не остался в долгу:

— А ты тогда маленький ворон.

Договорив, он невольно пробормотал под нос:

— В роду Лэ в твоём поколении все ведь должны носить в имени знак яшмы «юй»? Когда тебе выбирали имя, я думал, тебя назовут Лэ Я.

Лэ Уя отмахнулся с полным безразличием:

— Я ведь всего лишь сын от наложницы. К тому же моя матушка была иноземкой из пограничных племен, после смерти ее имя даже не удостоили чести внести в родовые книги.

Пэй Минци захлопал глазами, сообразив, что сболтнул лишнего. Он поспешно притянул друга к себе за плечи, пытаясь утешить:

— Имя Лэ Я тоже не бог весть какое хорошее. Будто полумесяц «юэя», висит в небесах в полном одиночестве и холоде, какая в этом радость? Уж лучше летай вместе со мной.

Лэ Уя тут же решил воспользоваться моментом и притворно запричитал:

— Все из-за твоих слов, мне теперь невыносимо больно. Впредь, даже если мы нос к носу столкнемся посреди улицы, я сделаю вид, будто не знаю тебя.

Пэй Минци в полной растерянности принялся его утихомиривать:

— ...Я ведь такой красавец, как можно со мной не зняться?

Ныне же Лэ Уя зрил, что тот остался столь же статным и привлекательным, как и в былые годы. Среди здешних военачальников его возраста как раз всю свирепствовала мода на пышные бороды, однако он лица бритвой не портил и усов не растил.

Пэй Минци же, напротив, видел перед собой хрупкого, но изрядно потрепанного фарфорового человечка.

Из-за того, что уездный судья не смыкал глаз две ночи напрочь, вокруг его глаз проступила нездоровая краснота, которая лишь сильнее подчеркивала мертвенную бледность щек. К тому же его темное чиновничье платье было в полном беспорядке покрыто грязными следами собачьих лап.

Пэй Минци резким движением перехватил руку Вэньжэнь Юэ, вознамерившись силой оттолкнуть его в сторону.

Однако Вэньжэнь Юэ тоже унаследовал редкое упрямство. Он заблокировал выпад и мертвой хваткой нажал офицеру на плечо:

— Господин военный, прошу вас, знайте честь и ведите себя благопристойно.

Видя, что противоборство между ними грозит перерасти в полноценную рукопашную, Лэ Уя аккуратно похлопал Вэньжэнь Юэ по плечу сзади:

— Все в порядке, не тревожьтесь.

Он обошел Вэньжэнь Юэ и, заложив руки за спину, остановился прямо перед Пэй Минци:

— Вы...

Но не успел он вымолвить и первого иероглифа, как Пэй Минци вытянул руку и мертвой хваткой сжал его за подбородок.

Лэ Уя: ?

«Уж не лишился ли этот парень рассудка под старость лет?» — опешил он.

Он не видел Пэй Минци очень давно, и в его памяти тот оставался преимущественно озорным мальчишкой.

Шумный, веселый, со вспыльчивым нравом истинного феникса, и при этом с на редкость смазливый лицом, за которым скрывался глуповатый, но сладкий язык.

Нынешний же генерал был с ног до головы покрыт походной пылью, а его ладони напоминали наждачную бумагу. И пусть он не сжимал пальцы в полную силу, два его грубых пальца на подбородке Лэ Уя заставили того почувствовать себя крайне неловко.

Эръя вовсю крутилась вокруг них двоих. Позабыв о своей давешней грозной и воинственной поступи, гончая принялась нежно и жалобно поскуливать.

Сам Пэй Минци к этому моменту не смыкал глаз уже целых двое суток. В его груди бушевало яростное пламя, и когда он сперва заметил у этого незнакомца точно такую же привычку привередничать в еде, а столкнувшись нос к носу, еще и за приметил крошечную родинку на его губе, сердце воина окончательно сгорело от нетерпения. Он без лишних раздумий пустил в ход руки, вознамерившись во что бы то ни стало разглядеть лицо прохожего на свету.

Ну откуда, откуда у этого человека могла взяться приметная точка в том же самом месте, где она была у его покойного наставника?

Лэ Уя спросил:

— Генерал Пэй, что все это значит? К чему такие вольности?

Взирая на этого юношу, чье безупречное лицо напоминало тонкую работу тушью, Пэй Минци почувствовал, как его сердце затапливает невыносимая тоска и нежность, а в разуме безумным вихрем закружились самые дикие надежды:

— ...Ты знаешь меня? Кто ты такой?

Лэ Уя ответил:

— Перед вами ничтожный слуга, уездный начальник Наньтина, Вэньжэнь Юэ, по отчеству Минкэ. Едва ли генералу приличествует средь бела дня на глазах у всех бесцеремонно распускать руки в отношении местного судьи.

Пэй Минци: ...

Эти слова наконец отрезвили генерала, и он поспешно разжал пальцы.

Склонив голову, он церемонно скрестил руки на груди:

— Я проявил крайнюю дерзость и прошу меня простить.

Лэ Уя подождал немного, но так и не дождавшись продолжения речи, с легким вызовом поинтересовался:

— Генерал Пэй, и это все?

Офицер опешил, но проследив за его взглядом, упавшим на валяющийся в снегу надкусанный пирожок, сразу все понял. Взмахнув кавалерийской плеткой, он скомандовал подчиненным:

— Эй! Сгребите все пирожки с этого прилавка, упакуйте как следует и отдайте господину судье в качестве возмещения ущерба.

Лоточник, который до этого момента стоял с вытаращенными от изумления глазами, узрев столь крупный и выгодный заказ, несказанно обрадовался в душе. Он принялся со всей расторопностью упаковывать выпечку, лихорадочно прикидывая в уме, не стоит ли ему по-быстрому закинуть в чан с кипящим маслом новую порцию теста.

Лэ Уя с мягкой улыбкой обронил:

— Ну что вы, генерал, мне даже как-то неловко принимать столь щедрый дар.

Пэй Минци опустил взор:

— Нападение моей собаки — сугубо моя оплошность.

Лэ Уя слишком хорошо знал характер своего бывшего ученика: стоило лицу Пэй Минци стать каменным и леденящим, это означало лишь то, что парень сейчас сгорает от дикого смущения.

Пускай уездный судья лично не слал ему призыва о помощи, однако о подлинных причинах внезапного появления генерала в здешних краях он догадывался без труда.

Он приподнял голову и спросил:

— Генерал Пэй пожаловал в Наньтин ради выполнения важного государственного поручения?

В эту секунду отсутствие пышной бороды на лице воина сыграло с ним злую шутку: из-за чистой кожи ничто не могло скрыть того, как его щеки медленно, но верно заливает густая пунцовая краска:

— ...До моих полков дошли вести, будто на здешнем угольном руднике местные тираны безжалостно истязают простой люд и промышляют продажей свободных подданных в рабство. Действительно ли в уезде творятся подобные бесчинства?

Лэ Уя едва заметно кивнул головой.

Раз уж не он сам звал Пэй Минци на помощь, значит, эту карту разыграли двое молодых принцев-ревизоров.

Принимая во внимание высокий статус генерала, ему вовсе не обязательно было лично мчаться в это захолустье из своего лагеря. Однако раз уж в уезде Наньтин обосновались сами высочайшие императорские посланники, против их прямого призыва он пойти не мог.

Лэ Уя должен был сообразить это гораздо раньше, однако накануне его попытка вернуть тело Вэньжэнь Юэ с треском провалилась, а после ему пришлось всю ночь напролет заставлять юношу зубрить хозяйственные дела уезда, так что времени на сторонние размышления у него попросту не осталось.

Впрочем, земли Цинъюаня и Наньтина лежали столь близко друг к другу, что их встреча под этими небесами была лишь вопросом времени.

Лэ Уя промолвил:

— В таком случае не угодно ли генералу Пэй проследовать в здание управы, дабы перевести дух и заодно разделить со мной трапезу? С такой огромной горой сладких пирожков ваш покорный слуга в одиночку ни за что не совладает.

Пэй Минци ответил:

— ...Судья Вэнь, у меня еще остались неотложные дела по развертыванию отряда. Как только патрули займут позиции, к вам в ямынь прибудет мой офицер для согласования дальнейших шагов.

— Чудно, в таком случае не смею задерживать генерала, — Лэ Уя почтительно скрестил руки в прощальном поклоне. — И еще, господин воевода, фамилия вашего покорного слуги — Вэньжэнь, это двойной фамильный знак.

Пэй Минци выдавил:

— ...Прошу простить мою оплошность, судья Вэньжэнь. Честь имею кланяться.

От неловкости кончики его пальцев стали совсем багровыми.

Когда они обменялись дежурными вежливыми любезностями и приготовились разойтись, Эръя с жалобным поскуливанием вновь вознамерилась было броситься вслед за уходящим Лэ Уя. Однако Пэй Минци мертвой хваткой перехватил ее за ошейник и с силой оттащил назад.

Даже когда на шею гончей вновь наглухо нацепили поводок, она продолжала преданным и тоскующим взглядом провожать удаляющийся силуэт Лэ Уя.

В сильном душевном смятении Пэй Минци вскочил в седло, и лишь когда его пальцы сжали

кожаные поводья, в его мыслях наконец вспыхнуло осознание:

«Вэньжэнь... Неужто он из коренного племени цзин?..»

Стоило им завернуть за угол, как мягкая судейская улыбка в один миг бесследно исчезла с лица Лэ Уя.

Он стремительным шагом шел впереди, в то время как подлинный Вэньжэнь Юэ, бережно прижимая к груди огромный бумажный сверток с пирожками, безмолвно следовал за ним по пятам.

Лэ Уя ускорял шаг все сильнее, пока на одном из безлюдных поворотов глухого переулочка резко не развернулся на каблуках и мощным рывком не увлек Вэньжэнь Юэ за собой в тень.

Он с силой прижал юношу спиной к кирпичной кладке стены, придвинулся к нему вплотную и, ткнув пальцем себе в уголок губ, яростно прошипел:

— А ну-ка взгляни на меня как можно пристальнее! Разве в твоей прежней жизни на этом самом месте красовалась подобная родинка, а?!

Вэньжэнь Юэ приоткрыл рот, вознамерившись было выдать спасительную ложь и подтвердить ее наличие.

За эти бурные дни он успел досконально изучить изменчивый нрав своего наставника и прекрасно понимал: скажи он сейчас чистую правду, тот наверняка устроит грандиозный разнос.

Однако врожденное благородство и честность книжника все же взяли верх, вынудив его озвучить истину:

— Не красовалась.

Выждав секунду, он робко добавил еще одну приметную деталь:

— Да и кончики моих волос отродясь не имели свойства... вот так изящно виться кверху, точь-в-точь как руно у молодого ягненка...

Лэ Уя: ...

...Все, с него хватит. Пожалуй, ему действительно правильнее всего будет как можно скорее отправиться на тот свет.

Если его новая телесная оболочка действительно со временем начнет планомерно перерождаться, принимая черты его собственного прежнего облика... И когда наступит день, и он под именем Вэньжэнь Юэ прибудет в столицу ради служебной аттестации и отчета о делах уезда, все те старые столичные знакомцы узрят его лик...

Лэ Уя внезапно замер на полуслове.

...А ведь, если подумать, комедия из этого выйдет на редкость забавная.

Вэньжэнь Юэ и не подозревал, что в голове его спутника прямо сейчас бурным потоком бьют новые коварные замыслы. Юноша лишь до смерти пугался, как бы наставник вновь не разразился пламенными речами о скорой кончине, а поскольку иных способов утихомирить упряма он не знал, то попросту извлек из свертка очередной пирожок:

— Сделай милость, скушай еще один.

Лэ Уя послушно принял угощение:

— А хватка у тебя, парень, воистину недюжинная. Пожалуй, отныне я буду повсюду таскать тебя за собой — дело верное и полезное.

Узрев, что душевный настрой наставника заметно смягчился и тот больше не порывается свести счеты с жизнью, Вэньжэнь Юэ тоже изрядно расслабился.

Переулок был излишне узким, отчего они стояли вплотную друг к другу, и каждое дыхание и выдох смешивались в этой морозной тесноте.

Вэньжэнь Юэ без всяких на то причин ощутил легкую робость и посильнее сжал пальцами края бумажного пакета:

— Ты... ты близко знал этого военачальника?

Лэ Уя слегка повернул голову и коротко, в двух словах обрисовал суть дела:

— Старый знакомец.

— И то, что было между вами...

Лэ Уя отмахнулся:

— Все быльем поросло.

Вэньжэнь Юэ со всей прямоотой парировал:

— Да только он сам, как я гляжу, изволил пожаловать следом за тобой.

Лэ Уя усмехнулся:

— Ты что же, испугался, будто он примет истязать меня, а? Не бойсь, парень, характер у него, конечно, крутой, но человек он далеко не плохой.

В этой оценке Вэньжэнь Юэ позволил себе усомниться.

Его первое знакомство с генералом Пэй Минци вышло, мягко говоря, препаршивым: напустить на прохожего свирепую собаку, а после еще и бесцеремонно распускать руки в отношении незнакомого человека посреди улицы...

И пускай природа наградила этого офицера лицом утонченного и благородного франта, в глубине души он оставался обычным грубым, несдержанным и вспыльчивым армейским заправилой.

Лэ Уя шутливым жестом легонько хлопнул юношу ладонью по груди:

— Коли так сильно за меня тревожишься, изволь мертвой хваткой защищать своего наставника.

Договорив, он вновь дотошно окинул Вэньжэнь Юэ взглядом с головы до ног:

— Да только в нынешнем твоём состоянии толку от тебя мало. Какой прок от одной лишь слепой физической мощи? Ты ведь не на поденные работы к грузчикам нанимаешься. Ладно, так и быть, на днях я преподам тебе пару-тройку надежных боевых приемов, будешь потихоньку практиковаться на досуге.

Вэньжэнь Юэ почтительно отозвался:

— Да.

Лэ Уя раскрыл шуршащий бумажный пакет:

— Мои дела в ямыне еще далеко не закончены, так что тебе правильнее будет поскорее вернуться домой. Вот, держи, захвати несколько пирожков для матушки Мин, Вашему судье со всей этой кучей в одиночку все равно не совладать.

Вэньжэнь Юэ робко спросил:

— И тебе одному... действительно не будет грозить опасность?

Лэ Уя отрезал:

— Ваш судья привык оставаться в одиночестве.

Отослав Вэньжэнь Юэ прочь, Лэ Уя извлек из кармана чистый платок и принялся дотошно счищать со своего платья следы уличного происшествия.

Однако на середине дела он поддался какому-то тайному внутреннему порыву и умышленно оставил нетронутым один четкий, приметный след собачьей лапы на самом краю широкого рукава.

Надо же, его маленькая дочурка вымахала уже до столь почтенных размеров.

Вот только по какой такой причине она оказалась в руках у Пэй Минци?

В свое время, уходя на тот свет, он ведь клятвенно просил Ци-цзе позаботиться о собаке и доверил зверя ее надежным рукам?

«...К слову сказать, какими делами сейчас занята сама Ци-цзе?»

Рассуждая об этом в уме, он размеренно шагал по тракту, на ходу лениво покусывая пирожок, края которого под его зубами вновь приняли изящную форму распустившегося бутона.

Едва он приблизился к воротам судебной управы, как обнаружил, что на крыльце, стойко снося удары разыгравшейся метели, его уже поджидает визитер.

Всего за одну бурную ночь лицо богача Чэнь Юаньвэя успело покрыться слоем суровой кручины. Его лоснящиеся щеки стали мертвенно-бледными с явной прозеленью: верный знак того, что сна этой ночью у него не было ни в одном глазу.

Заместитель Сунь Жу сегодня примчался на службу задолго до первых лучей солнца и сразу же столкнулся нос к носу с почтенным богачом Чэнем.

Он прекрасно понимал, что Чэнь Юаньвэй ныне превратился в наредкость опасную и скользкую фигуру, а потому своевольничать не смел и приглашать его под теплый кров ямыня отказался, вынужденно ведя переговоры прямо на заснеженном крыльце.

Несшие утреннюю стражу конвойные вместе со своим заместителем Сунь Жу упрямо преграждали богачу путь. Один из них, парень прямодушного и честного нрава, заприметив возвращающегося Лэ Уя, мгновенно выпрямил спину и громко промолвил:

— Почтенный Чэнь Юаньвэй, да разве же ничтожный слуга стал бы обманывать ваше превосходство? Господина уездного судьи действительно не было в стенах управы!

Чэнь Юаньвэй круглыми годами усердно заботился о покое своего духа и тела, а потому, если в его доме не было званых гостей, уходил ко сну чрезвычайно рано.

Вчера вечером он перенес в покоях уездного начальника немало обид и унижений, а под конец этот хлипкий барин, упившись вином, и вовсе со всем бесстыдством плеснул хмельной влагой ему прямо в лицо. Чэнь Юаньвэй вернулся к себе в препаршивом расположении духа, и лишь саморучно проделав два полных комплекса оздоровительной гимнастики уциньси, сумел кое-как вернуть мыслям былую легкость.

Раз уездный начальник наотрез отказался принимать его дары, это означало лишь одно: поднесенное подношение показалось ему слишком мелким и незначительным.

То, что судья упрямо удерживал под замком Гэ Эр-цзы, было не более чем уловкой ради того, чтобы набить цену живее и подороже продать товар.

Коли предложенный выкуп окажется поистине колоссальным и увесистым, любые споры в уезде уладить не составит труда.

Столкнувшись вчера с закрытыми дверями, Чэнь Юаньвэй унывать не стал. Он заблаговременно велел слугам собрать куда более роскошный и ценный короб с подношениями, планируя со всеми церемониями нанести повторный визит уездному начальнику на следующий день.

Кто же мог помыслить, что не успеет он сомкнуть веки в своей постели, как его бесцеремонно растолкает перепуганный насмерть главный управляющий дома.

Едва до ушей богача донеслись ошеломительные вести о том, что молодой судья среди ночи поспешно открыл заседание и вовсю вершит скорый суд, Чэнь Юаньвэй даже не сразу нашелся что сказать от дикого потрясения:

— И кого же именно этот барин сподобился допрашивать в такой час?

— Поначалу допрашивали вдову Су, а после перешли к делу о гибели Чан Сяоху... — управляющий уныло нахмурил брови. — Ныне, судя по всему, следствие докопалось до каких-то важных вех. И управляющего Лу, и счетовода Чэнь Фу-эра под конвоем увели прочь. Один наш расторопный парень улучил свободную секунду, выскользнул из толпы и примчался в

усадебу доложить обстановку. Я уже велел ему поскорее вернуться на шахты, дабы вывести свежие вести.

Чэнь Юаньвэй застыл в оцепенении.

Управляющий преданно уставился на него, затаив дыхание в ожидании законного хозяйского решения.

Чэнь Юаньвэй после недолгих колебаний вымолвил:

— Сначала обождем новостей.

И это самое ожидание как раз и обернулось для них великой бедой.

Тот самый слуга, ушедший разузнать подробности, назад так и не воротился.

Чэнь Юаньвэй сгорал от невыносимой тревоги, а потому выслал вторую цепочку людей: двоих отправил на рудник, а еще двоих — в судебную залу слушать процесс.

Посланцы, ушедшие на шахты, словно канули в бездонный омут: от них не прилетело ни единого слуха.

А вот из тех, кто слушал заседание, один все же сумел прибежать обратно. Несмотря на лютую зимнюю стужу, его лицо сплошь покрылось каплями горячего пота:

— Хозяин! И надсмотрщик Лу, и дядька Чэнь Фу-эр уже прошли через допрос на помосте!

— Применяли ли палачи дыбу или каленое железо?

— Нет-нет, Бог миловал! Судья со всеми нашими людьми обходился на редкость вежливо и ласково.

Сердце Чэнь Юаньвэя наконец слегка опустилось обратно в грудную клетку:

— И о каких таких делах их выспрашивали?

— Да все больше о внутреннем устройстве шахт да о хозяйстве. Ничего опасного, вели беседу мирно, точь-в-точь как старые соседи за чашкой чая.

Все это, без сомнения, походило на добрый знак, однако Чэнь Юаньвэй почему-то никак не мог

унять смутную, удушающую тревогу в душе:

— Вышлите еще одного человека на разведку.

И его звериное предчувствие оправдалось в полной мере.

Следующий слуга воротился в усадьбу, буквально катясь кубарем по дороге, из-за повалившего снегопада камни тракта стали на редкость скользкими.

Задыхаясь от ужаса, он дрожащим голосом выкрикнул:

— Хозяин! Барин со стражей притащил в ямынь пять черных ослов!

Чэнь Юаньвэй мгновенно переменялся в лице, а его щеки стали бледнее савана:

— Что?!

Он свирепо зыркнул на управляющего:

— Где те люди, которых мы слали на рудник?! Отчего оттуда до сих пор не прилетело ни единой подорожной грамоты?!

Управляющий не сумел скрыть дикого испуга:

— Я уже отправил туда третью цепочку слуг, да только ни один из них назад так и не появился...

Чэнь Юаньвэй бессильной жижей рухнул на стул, прекрасно понимая в глубине души: его угольному руднику «Сяофу» на восемь долей из десяти пришел окончательный и бесповоротный конец.

Однако он мучился в раздумьях всю ночь напролет, терпя лютые муки, словно его плоть планомерно кромсали тупым тесаком, и расстаться со своим колоссальным богатством у него не поднималась рука.

В свое время он растоптал остатки благородной гордости ученого мужа, вложил в дело бесчисленные горы чистого золота и серебра, и все ради того, чтобы обрести этот неиссякаемый поток черного золота.

И позволить судейской управе вот так просто отобрать у него нажитое он был категорически не согласен!

А потому с первыми лучами солнца он поспешил к судейскому крыльцу, сиюсь вымолить аудиенцию у начальника. И пока он вел изнурительные переговоры с заместителем Сунь Жу, на площади как раз показался возвращающийся с завтраком уездный судья.

Лэ Уя лучезарно улыбнулся и первым приветствовал гостя:

— Почтенный Чэнь, доброго вам утра.

Чэнь Юаньвэй, дотошно считывая знаки по его лицу, со всем почтением шагнул навстречу:

— Судья, ваш слуга пришел к вашим воротам в столь ранний час и посмел нарушить ваш покой. Прошу простить мне эту дерзость. Вчерашний прием в моих покоях вышел на редкость топорным и скудным, и я молю проявить великодушие к моей оплошности.

— Ах, пустяки, — весело отмахнулся Лэ Уя. — В случившемся нет вашей вины, это Ваш судья от природы уродился столь упрямым, твердолобым и непрошибаемым истуканом.

От этой ядовитой шутки у Чэнь Юаньвэя внутри все так и затрепетало от дикого страха. Он торопливо запричитал:

— Судья, сделайте милость, позвольте ничтожному рабу загладить этот грех. Не сочтите за труд, выберите свободную минуту да загляните в мою скромную усадьбу ради чинной беседы?

Лэ Уя покачал головой:

— Вот уж не задача, именно сегодня к Вашему судье пожаловали на редкость важные и дорогие гости. Так что почтенному Чэнь-юаньвэю правильнее будет прийти в какой-нибудь иной день.

Чэнь Юаньвэй решил, что это обычная вежливая отговорка, и уже набрал в грудь воздуха, дабы пустить в ход новые уговоры, как вдруг по пустынной улице со стороны тракта донеслись величественные, торжественные звуки церемониальных духовых орудий.

Лэ Уя вытянул шею, всматриваясь вдаль. Его брови победоносно взметнулись кверху, а сам он с подчеркнутым, нежным дружелюбием вытянул руку и мертвой хваткой зажал Чэнь Юаньвэю запястье ровно в районе пульса:

— Ну надо же, а вот и мои дорогие гости пожаловали пред очи управы. Чэнь Юаньвэй, не желаете ли вы составить мне компанию и встретить их вместе, а?

Договорив и не дав богачу опомниться или вырваться, Лэ Уя размашистым движением расправил полы халата и рухнул коленями прямо в снег:

— Ваш покорный слуга, уездный начальник Наньтина Вэньжэнь Юэ, приветствует господ императорских посланников! Низжайший поклон генералу Пэй!

Чэнь Юаньвэй вырваться из его хватки не успел, а потому был вынужден безвольной куклой повалиться в сугроб прямо рядышком с судьей.

Стоило словам «императорские посланники» сорваться с чужих губ, как у богача от дикого ужаса кровь застыла в жилах.

В такой глуши, как уезд Наньтин, откуда взяться личным ревизорам Сына Неба?!

Прежде чем в его мыслях прояснился хоть какой-то ответ, сверху раздался чистый, благородный и леденящий голос:

— Поднимитесь.

Лэ Уя встал на ноги. Первым делом ему безумно хотелось скользнуть взглядом по фигурам своих старых невыносимых знакомцев, Пэй Минци и Сян Чжиши, однако его взор помимо воли с первой же секунды намертво приковало к Шестому принцу, Сян Чжицзе.

Сегодня Шестой принц был облачен в одежды, кои выглядели во сто крат величественнее и строже его вчерашнего купеческого платья. На его плечах покоился роскошный черный плащ-дачан, расшитый тончайшими узорами из золотых имперских драконов. Латы на талии были затянуты настолько безупречно, что вся его фигура казалась эталоном утонченного, благородного и величественного изящества.

Но пускай его наряд и был хорош, главным украшением этой ночи по праву являлся его зимний головной убор. В самую макушку шапки был инкрустирован колоссальный, безупречной красоты малахит, а к околышу крепилось длинное, переливающееся лазурью павлинье перо, которое изящной линией спускалось вдоль спины до самой талии.

Как в народе говорят: «Коли муж желает явить миру истинную статью, пускай облачится во все черное».

Лэ Уя в своей прошлой жизни еще ни разу не видел, чтобы этот вечно тихий и неприметный Сян Чжицзе наряжался столь броско и ослепительно. В его душе мгновенно проснулся былой озорной дух, и у него едва ладони не зачесались от дикого желания протянуть руку да подергать принца за это великолепное павлинье перо.

Стоило их взглядам скреститься, как Сян Чжицзе мягко улыбнулся и сдержанно кивнул уездному начальнику в знак приветствия.

Сян Чжиши украдкой провел взглядом по старшему брату и мысленно фыркнул.

Его Шестой брат сегодня подорвался с постели в самый глухой предрассветный час, битый час крутился перед зеркалом, расправлял складки да прихорашивался: неужто все это сотворялось исключительно ради того, чтобы этот мелкий чинуша у ворот одарил его одним лишним восхищенным взглядом?

<http://bllate.org/book/18193/2086383>